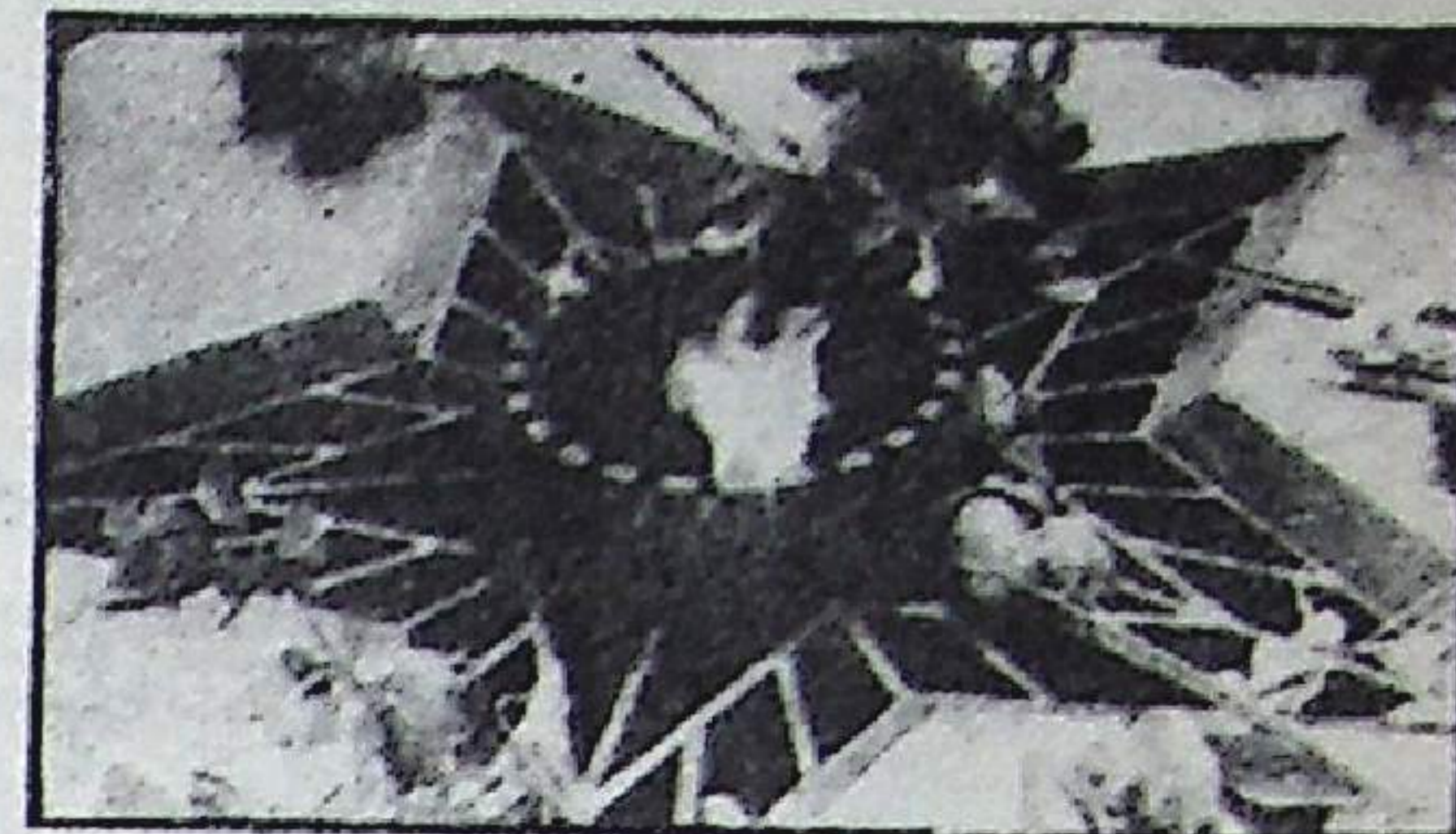

ВЕТЕРАН

К 50-ЛЕТИЮ КУРСКОЙ БИТВЫ

Полвека для человеческой жизни — огромный срок. Это даже не половина, ибо редко кто проживет сто лет. Это — основная часть жизни. И помнить события полувековой давности можно лишь самые значимые для человека. А что может быть более значимей в судьбе ветерана, чем война, опалившая его юность!

ТАНКИСТ ИЗ КОЛОТУХИ

Был он призван на действительную службу в Красную Армию 2 декабря 1939 года в день начала войны с Финляндией. Шел тогда Коле Кучерову двадцатый год, (а дома в крестьянской семье оставалось кроме родителей еще шестеро детей. Ему повезло: во взводе связи, где служил, было много земляков — из Григоровы, Картмазова, Иванничева и даже из родной деревни Колотухи. На войну их батальон связи не послали, и до июня 1940 года он сравнительно спокойно служил в городе Нежине Кировоградской области.

А 26 июня их отдельный батальон связи вместе с другими воинскими частями погрузили в эшелон и повезли «освобождать» Молдавию. Румыны отдали ее без боя, и части Красной Армии вошли в Кишинев, не встречая сопротивления. В Кишиневе Николай стал башенным стрелком-радиостом вначале на БТ-7, а затем на новом танке Т-34.

21 июня сорок первого, как положено, танкисты посмотрели кино и легли спать. А в воскресенье проснулись от грозного гула сотен самолетов с черными крестами на фюзеляжах, заполонивших небо над Кишиневом. Посыпались бомбы. Танкистов двинули к границе. Навстречу везли раненых, брели

беженцы, разрозненные остатки разбитых воинских подразделений. В бой вступить не пришлось. Из страха попасть в окружение было приказано отступить на старые границы, к Тирасполю. Под бомбежкой переправлялись через Днестр, отступали с боями, один за другим сдавая врагу Умань, Котовск, Балту, другие населенные пункты. На полях горели хлеба, и дым горящих нив сливался с дымом городских пожаров.

Так докатились до Днепра, где потеряли танк и воевали спешенные в наспех сформированной части. Дали винтовки и карабины против танков и авиации противника. Так прошел страшный август, а в сентябре Николая тяжело ранило в ногу. Эвакогоспиталь, потом Минеральные Воды. Рана не заживала, и Николай Павлович получил отпуск на поправку домой. Два месяца провел в своей Колотухе, а оттуда — снова в действующую армию.

Его направили под город Муром в село Карачарово, где формировалась 17-я гвардейская ордена Ленина танковая бригада. Николаю доверили ответственное дело — поддерживать связь батальона с бригадой. Потом — Сталинград. Под Калачом в составе первого Донского танкового корпуса заверша-

ли окружение группировки Паулюса, потом двинулись по направлению к Орлу. Повсюду Николай Павлович колесил на своем мотоцикле, доставляя пакеты в штаб танковой бригады из своего батальона.

В ЭТО ВРЕМЯ самая напряженная военная обстановка складывалась на Орловско-Курской дуге, где немецкое командование готовилось взять реванш за Сталинград, в корне изменить ход событий.

Но то, что противнику легко удавалось сделать в начале войны, было очень проблематично на ее третьем году. Красная Армия, узнавшая вкус побед, училась воевать профессионально, накапливая боевой опыт. Наиболее жаркими для первого Донского танкового корпуса на Орловско-Курской дуге оказались три недели июля-августа 1943 года.

12 июля он начал пробиваться к деревне Измайлово, переправляясь через реку Зуша под интенсивным огнем неприятеля. В прорыве фронта участвует и 17-я танковая бригада, имея 32 танка Т-34 и 22 танка Т-70, личный состав 1053 человека. Действия танкистов вызвали ожесточенную вражескую бомбардировку, при которой сгорело два танка, три подбито, убито 65 человек,

ранено 122. Бригада меняет направление и продолжает наступать через Грачевку, Царевку на Желябуг. Встретив сильное сопротивление, обошла противника стороной и заняла станцию Моховое. Потери противника: 15 танков (из них три «тигра»), 750 солдат и офицеров. Наступавшие потеряли 33 танка и 254 человека.

Три дня, с 14 до 16 июля, бригада вела упорные бои за Желябуг, но взять его не смогла, была вынуждена сама перейти к обороне под Александровкой до 18 июля. Затем овладела деревнями Винаца, Александровка, Гусево, Голубок и вновь была вынуждена обороняться. Так, с переменным успехом бригада до 2 августа овладела еще несколькими населенными пунктами под сильной бомбежкой и артобстрелом противника. А в этот день «оседлала» шоссе Болхов — Орел и заняла населенные пункты под самым Орлом: Чурилово, Кулича, Красный Октябрь, Большое Дураково.

Для удара по Орлу создается ударная группа из нескольких сильно потрепанных в боях соединений. Четвертого августа в 11 часов ночи город Орел был освобожден после кровопролитных боев. Достаточно сказать, что 17-я танковая бригада потеряла почти все свои танки и 1097 человек личного

состава. То есть больше, чем в ней было две недели назад.

Так освобождали советскую землю.

ВРАГ БЫЛ не только жестоким и коварным, но и необычайно умелым, стойким, закаленным в боях. Для борьбы с ним требовалось не только личное мужество, но и непрерывное совершенствование военного мастерства, фанатичная преданность Родине, единой идее. В ходе Орловской операции, в которой участвовал Н. П. Кучеров, в члены ВКП(б) было принято на передовой 1126 человек, в кандидаты — 269. Тогда вступил в партию и Николай Павлович.

— Это была огромная сила, которая одна могла противостоять фашизму, — вспоминает он. — Одиночка, неорганизованный человек, ничего, не значил и сделать не мог в такой страшной войне. Однажды всем нам, нестроевикам (кроме связистов это были повара, медработники, обозники и другие), вручили винтовки и поставили в оборону. И мы не отошли ни на шаг. Никто не оставался в стороне. Все делал одно дело...

После Орла остатки 17-й танковой бригады вывели из боя на формирование — и снова в бой. На запад. Освобождали Белоруссию в составе 3-го Белорусского фронта, потом Польшу, форсировали Вислу, Одер, продвигались к городам Штеттин, Росток. Радостную весть о Победе услышал в немецком городе Гюстрове.

Домой, в деревню Колотуху, Николай Павлович вернулся в июле 1946 года. Пахал, сеял в колхозе, ездил за Волгу за строевым лесом. Потом стал учетчиком, бригадиром тракторной бригады. С этой должности ушел на пенсию. Получал совсем немного, только года два назад через районный военкомат сумел получить копии документов из Ленинграда, где в архиве хранятся дела их 17-го гвардейского танкового корпуса. Пенсия значительно увеличилась. В свои семьдесят с лишним лет Николай Павлович выглядит совсем неплохо и немало трудится в собственном хозяйстве.

В. УРУСОВ.

□ На встрече с однополчанами в Орле в конце 80-х годов. Седьмой слева — Н. П. Кучеров.

ЗА КАЖДУЮ ПЯДЬ

НАША ГАЗЕТА УЖЕ ПИСАЛА ОБ УЧАСТНИКЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ, ВЕТЕРАНЕ КУРСКОЙ БИТВЫ Н. П. КУЧЕРОВЕ, ПРОЖИВАЮЩЕМ В Д. КОЛОТУХЕ. НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ — ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ УЦЕЛЕВШИХ БОЛЬШЕМУРАШКИНЦЕВ, КОТОРЫЕ ВСТРЕТИЛИ 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ СССР И, ПЕРЕЖИВ САМЫЕ ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ ОТСТУПЛЕНИЯ, ДОШЛИ ПОТОМ ДО ГЕРМАНИИ. ЕГО ВОСПОМИНАНИЯ О НАЧАЛЕ ВОЙНЫ, ВОЗМОЖНО, ПОМОГУТ КОМУ-ТО ИЗ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ ЛУЧШЕ УЗНАТЬ О СУДЬБЕ СВОИХ БЛИЗКИХ, ВСТРЕТИВШИХ ГИТЛЕРОВСКОЕ НАШЕСТВИЕ НА ПЕРЕДОВЫХ РУБЕЖАХ.

Мы, мураши, были призваны 2 декабря 1939 года, всего двадцать человек. Это Леша Пиголин, Володя Седин, Леша Жданов, Саша Бардин — из Григорова, Саша Коновалов, Вася Васьков и я — из Колотухи, Кононов Степа (а, может быть, Митя) из Ногавицина, двое из Воронина (одного звали Вокулов Костя, второго забыл), Степан Бычков из Иванищева, Малафеев Вася (деревню не помню). Всех я не могу сейчас уже вспомнить.

Мы все служили в одном взводе, в 193-м отдельном батальоне связи, сначала в городе Нежин, потом в Лубках, а летом 40-го нас перебросили в Кировоград, участвовали в составе стрелковой дивизии в освобождении Молдавии. Ее освободили без боя. Потом пешим маршем вернулись в Кировоград.

26 июня часть батальона поездом отправили в Кишинев, а другая часть осталась в Тирасполе. Большемурашкинцы в основном попали в Кишинев, в 22-й танковый полк, где начали осваивать

танки БТ-7. Но вскоре полк был пополнен новыми танками Т-34 с экипажами. Одного из наших, Володю Седина, перевели в соседний 21-й танковый полк механиком-водителем, а нас стали, как связистов, обучать вождению мотоциклов.

Служили мурашкинские ребята хорошо. Начальником штаба был подполковник Горшков из Арзамаса.

За десять дней до начала войны нам выдали оружие — карабины, патроны по пять боекомплектов и по две гранаты, а также противгазы, аптечки и сухой паек. Командиры были очень боевые, прошли Испанию и другие жаркие места. Поэтому полк был готов встретить немцев.

На рассвете 22 июня проснулись от грохота. Закачалась казарма, попадало оружие. Выбежали на улицу: кругом все горит, вой и гул самолетов над нами. Летят низко, одни снова бомбить, другие обратно на заправку. Немцы хотели разбомбить наши танки, но им это не

удалось.

Мы выступили к границе, к реке Прут, шли под сильными бомбежками, в том числе наш взвод связи. Навстречу — машины с ранеными и убитыми, кровь и страх.

Но самое страшное было впереди. Бой шел за каждый метр нашей земли. Наши земляки не опозорили себя в эти трудные дни.

Всего не опишешь, события развивались быстро. Полк отступил на старую границу, на переправе через Днестр — скопление отступающих войск и беженцев, тысячи людей. А немецкая авиация висела в воздухе. И что творилось — это невозможно забыть!

Дальше мы двигались на Котовск, Балту, Умань — это уже была Украина. На станции Крестиновка попали под многочасовую бомбежку. Немцы разбомбили эшелоны с горючим и боеприпасами. Все летело и горело на километры. Но наши ребята пока были все еще живы.

В селе Майковка (районный центр) штаб и взвод связи заняли оборону. Часа через четыре появилась немецкая колонна, до 30 танков с мотопехотой. Танки сходу с двух сторон пошли на нас. Мы оборонялись все, кто мог держать оружие. Рядом со мной были Леша Пиголин и Саша Балашов. Разрывается снаряд — и погибает Леша.

Силы были неравные, нам дали команду отступить. Заблгли убитых и раненых и стали отходить, пока была возможность. Ехали километров на сорок. Впереди — санитарная машина, потом

мы, пять мотоциклов, сзади бензовозы и так далее. Вдруг у кого-то из мотоциклов слетела цепь, мы остановились. В этот момент из лесочка открыли огонь по санитарной машине, потом — по бензовозам. Они загорелись, получилась пробка. Мы залегли в рожь, она нас спасла от прицельного огня. Отстреливались, пока на дорогу не вышли немцы — три бронетранспортера и до двадцати человек пехоты. Под огнем, при страшной жаре, отползали по полю, потом залегли в болотистой балке. При отходе легко ранило Сашу Князева.

В балке мы пролежали до ночи, а ночью выбрались полем на большак, остановили нашу полторку. В ней был полковой комиссар из другой части, он нас взял в машину и вывез к Днепру. Короче говоря, комиссар нас спас.

Потом мы воевали в пехоте, мы оборонялись под Синельниковым по Днепру, село Марьевка. 29 сентября меня ранило осколком мины, и я был отправлен санитарным эшелоном в Минеральные Воды.

Дальнейшая военная судьба моих земляков-сослуживцев мне неизвестна. Знаю лишь, что Бычков Степа, Бардин Саша и Седин Володя вернулись домой живыми. Жданов Леша был направлен в полковую школу. Вася Васьков был в плену. Про остальных не знаю. Война всех разбросала.

Н. КУЧЕРОВ,
ветеран войны.

д. Колотуха.